

Агата Кристи Гончая смерти (сборник)

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182821

*Агата Кристи «Гончая смерти» детективные рассказы, серия «Вся Кристи»: ЭКСМО; Москва;
2009*

ISBN 978-5-699-32751-5

Аннотация

В книгу вошли двенадцать рассказов Агаты Кристи, объединенных в авторский сборник «Гончая смерти». Самый знаменитый рассказ сборника – «Свидетель обвинения» – был переделан в пьесу. Одноименный фильм-экранизация этого рассказа/пьесы был снят в 1957 году и считается одним из лучших детективных фильмов в истории кино. Главную роль в фильме исполнила великая Марлен Дитрих.

Содержание

Гончая смерти	4
Красный сигнал	16
Четвертый человек	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Агата Кристи Гончая смерти

Гончая смерти

1

Впервые об этой истории я услышал от корреспондента американской газеты Уильяма П. Райана. Я обедал с ним в Лондоне накануне его возвращения в Нью-Йорк и случайно упомянул, что завтра отправляюсь в Фолбридж.

Он вскинул глаза и резко спросил:

– Фолбридж в Корнуолле?

Сегодня едва ли один из тысячи знает, что Фолбридж есть и в Корнуолле. Остальные убеждены, что речь может идти лишь о Фолбридже в Гемпшире. Так что познания Райана меня поразили.

– Да, – подтвердил я. – Вам он знаком?

Он ответил, что хочет добраться до него, а потом спросил, не знаю ли я случайно там дом под названием Трирн.

Мой интерес возрос.

– Знаю, и очень хорошо. Туда-то я и собираюсь. Это дом моей сестры.

– Здорово! – заметил Райан. – Бывают же такие совпадения!

Я предложил ему высказаться яснее, а не говорить загадками.

– Хорошо, – согласился он. – Но тогда мне придется вернуться к тому, что со мной случилось в начале войны.

Я вздохнул. События, о которых я рассказываю, происходили в 1921 году. Вспоминать о войне мало кому хотелось. Слава богу, мы начали забывать... К тому же, насколько я знал Уильяма П. Райана, его рассказы о военных приключениях отличались страшным занудством.

Но теперь его уже нельзя было остановить.

– В самом начале войны, как вы знаете, газета направила меня в Бельгию – освещать военные действия. Ну вот, значит, есть там небольшая деревушка – назову ее Х. Глухое местечко – вряд ли найдешь где-нибудь что-то похожее, и там находится большой женский монастырь. Монахини в белом – как их по-другому назвать, не знаю, мне неизвестно, что это за орден. Ну, в общем, все это неважно. Короче говоря, этот маленький городишко оказался как раз на пути наступающих немцев. Уланы приближались...

Я беспокойно задвигался. Уильям П. Райан предостерегающе поднял руку.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Это вовсе не история о жестокости немцев. Можно было бы рассказать и об этом, но здесь не тот случай. На самом деле все шиворот-навыворот. Немцы направились к монастырю, вошли в него – и все взлетели на воздух.

– Ого! – воскликнул я, весьма пораженный. – Странное дело, не правда ли?

– Конечно, можно было предположить, что немцы веселились и развлекались, как маршутки, со своей взрывчаткой. Но, оказывается, ничего подобного. У них не было даже специалистов по взрывным устройствам. Ну, а теперь я спрошу вас, могло ли разбираться во взрывчатке это стадо монахинь? Да хотя бы одна монашка!

– Действительно странная история, – согласился я.

– Я заинтересовался слухами, которые ходили меж тамошних крестьян, об этом происшествии. Они, конечно, же не стоили выеденного яйца. Если им верить, так это было на все сто процентов первоклассное современное чудо. Кажется, одна из монахинь имела репутацию подающей надежды святой; так вот, она вошла в транс, и ей было видение. Ну и согласно этому видению она сотворила фокус. Вызвала молнию, чтобы поразить нечестивых врагов, ну а заодно и все остальное в пределах досягаемости. Очаровательное эффектное чудо, не так ли?

Я никогда не докапывался до истины – не хватало времени. Но чудеса в ту пору были в моде – ангелы и тому подобное. Я описал случившееся, разбавил сентиментальными фразами, снабдил религиозными выводами и отправил свой очерк в газету. В Штатах эту историю приняли хорошо. Тогда проявляли интерес к событиям подобного рода.

Однако (не знаю, сможете ли вы понять) в процессе работы я все больше увлекался этим материалом. Я почувствовал, что хочу узнать, что же произошло на самом деле. Не оставалось ничего иного, как осмотреть место происшествия. От монастыря сохранились две стены, и на одной из них ясно выделялось темное пороховое пятно, напоминающее своими очертаниями огромную собаку.

Окрестные крестьяне испытывали смертельный ужас перед этой отметиной. Они называли ее Гончей Смерти и с наступлением темноты опасались проходить мимо.

Суеверия всегда интересны. Я понял, что мне необходимо повидать женщину, сотворившую этот трюк. Оказывается, она не погибла. В числе других беженцев она отправилась в Англию. Я постарался отыскать ее следы. И обнаружил, что она осела в Трирне, Фолбридж, Корнуолл.

Я кивнул:

– Моя сестра приютила бельгийских беженцев в начале войны, что-то около двадцати человек.

– Ну вот, я всегда собирался, как выдастся время, взглянуть на эту женщину. Я хотел услышать из ее собственных уст рассказ о том бедствии. Однако все время был занят то одним, то другим, и все это ускользало из моей памяти. Корнуолл лежал в стороне от моих путей. Я так и забыл бы обо всем, не упомяни вы о Фолбридже.

– Надо порасспросить сестру, – сказал я. – Она, возможно, что-нибудь об этом слышала. Правда, все бельгийцы давным-давно репатрированы.

– Разумеется. Тем не менее, если ваша сестра что-нибудь знает, буду рад получить от вас весточку об этом.

– Конечно, я так и сделаю.

На этом разговор окончился.

2

На следующий день после моего приезда в Трирн я вспомнил об этой истории. Мы сидели с сестрой на террасе и пили чай.

– Китти, – сказал я, – не было ли среди твоих бельгийцев монахини?

– Ты, видимо, имеешь в виду сестру Марию-Анжелику?

– Вероятно, да, – ответил я осторожно. – Расскажи мне о ней.

– О, дорогой, она необыкновенно таинственное существо. Кстати, она все еще здесь.

– Что? В доме?

– Нет, нет, в деревне. Доктор Роуз – ты помнишь доктора Роуза?

Я покачал головой.

– Я помню восьмидесятитрехлетнего старика.

– Это доктор Лэрд. О, он умер. Доктор Роуз здесь всего лишь несколько лет. Он совсем молод и весьма увлечен новыми идеями. Он очень заинтересовался сестрой Марией-Анжеликой. Понимаешь, у нее бывают галлюцинации и видения, и, по-видимому, это невероятно интересно с медицинской точки зрения. Бедное создание, она никуда не могла ходить – и, по-моему, она действительно слегка чокнутая, во всяком случае, производит такое впечатление. Ну вот, как я сказала, она никуда не ходит, и доктор Роуз оказался весьма любезным и стал наблюдать ее в деревне. Я подозреваю, что он пишет о ней монографию или что-то в этом роде, что пишут доктора.

Она остановилась и затем спросила:

– Ну, а что ты знаешь о ней?

– Я слышал довольно странную историю.

И я поведал ей все, что узнал от Райана. Китти очень заинтересовалась.

– Она похожа на людей такого рода, которые могут уничтожить тебя, – если ты понимаешь, что я имею в виду, – сказала она.

– Я думаю, – сказал я с возрастающим интересом, – что мне действительно следует увидеть эту молодую женщину.

– Ну что ж, мне интересно будет узнать, какое впечатление сложится у тебя о ней. Пойди только сначала повидайся с доктором Роузом. Почему бы тебе не пойти в деревню после чая?

Я принял предложение.

Доктора Роуза я нашел дома и представился ему. Он оказался внешне симпатичным молодым человеком, однако в нем крылось что-то отталкивающее. Чувство неприязни сразу же охватило меня столь сильно, что потом я просто уже не мог от него избавиться.

Стоило мне упомянуть сестру Марию-Анжелику, как он весь обратился во внимание. Его глубокий интерес к ней был очевиден. Я поделился с ним сведениями, полученными от Райана.

– О, – сказал он задумчиво. – Это многое объясняет.

Он взглянул на меня и продолжил:

– Дело действительно представляет чрезвычайный интерес. Прибывшая сюда женщина явно страдала от тяжелого психического потрясения. К тому же она была в состоянии сильного возбуждения. Ее преследовали пугающие галлюцинации. Личность ее очень необычна. Не хотите ли пойти со мной и побеседовать с ней? Она того заслуживает.

Я с готовностью согласился.

Мы вышли вместе. Нашей целью был маленький коттедж на самой окраине деревни. Фолбридж – удивительно живописное место. Он расположился в устье реки Фол, главным образом на восточном берегу, западный слишком крут, для того чтобы на нем возводить постройки, хотя несколько коттеджей все же здесь было. Коттедж доктора прилепился к самому краю обрыва. Отсюда, глядя вниз, вы видели, как могучие морские волны разбивались о черные скалы.

Маленький домик, к которому мы сейчас направлялись, находился в ложбине, из которой моря не было видно.

– Здесь живет районная сестра-сиделка, и я устроил сестру Марию-Анжелику к ней на полный пансион. Это очень удобно, ведь она теперь находится под постоянным квалифицированным наблюдением.

– А ее поведение нормально? – спросил я с любопытством.

– Через минуту вы сами сможете судить об этом, – ответил доктор, улыбаясь.

Районная сестра, коренастая симпатичная малышка, собиралась садиться на велосипед, когда мы подошли.

– Добрый вечер, сестра, как ваша пациентка? – обратился к ней Роуз.

– Без изменений, доктор. Сидит сложа руки, и мысли ее витают где-то далеко. Часто она не отвечает, когда я к ней обращаюсь, хотя английский язык она знает теперь достаточно хорошо.

Роуз кивнул и, когда сестра укатила на своем велосипеде, резко постучал в дверь и вошел в дом.

Сестра Мария-Анжелика лежала в шезлонге у окна. Она повернула голову, когда мы вошли.

Лицо ее было необычным – бледным, почти прозрачным, с огромными глазами. В этих глазах, казалось, навсегда поселилась трагедия.

– Добрый вечер, сестра, – сказал Роуз по-французски.

– Добрый вечер, доктор.

– Разрешите представить вам друга – мистера Энстразера.

Я поклонился, и она наклонила голову со слабой улыбкой.

– Ну, и как вы сегодня чувствуете себя? – спросил доктор, усаживаясь рядом с ней.

– Я себя чувствую как обычно. – Она замолчала и тут же продолжила: – Для меня все нереально. Прошел ли день – месяц – год? Я с трудом это понимаю. Только мои сны реальны.

– Вы все еще много грезите?

– Всегда, всегда, и – вы представляете – сны для меня более реальны, чем жизнь.

– Вы видите во сне свою родину – Бельгию?

– Я вижу во сне страну, которая никогда не существовала. Но вы это знаете, доктор. Я много раз вам рассказывала. – Она остановилась, а затем резко сказала: – Но, может быть, этот джентльмен тоже доктор – специалист по заболеваниям мозга?

– Нет, нет. – Роуз принялся ее успокаивать, но когда он улыбнулся, я заметил, какими необычными были его клыкообразные зубы – и мне пришло на ум, что в этом человеке было что-то волчье. Он заговорил:

– Я подумал, вам интересно будет побеседовать с мистером Энстразером. Он немного знает Бельгию. И кое-что недавно слышал о вашем монастыре.

Она взглянула на меня. Легкая краска появилась на ее щеках.

– На самом деле ничего особенного, – поспешил я объяснить. – Но я позавчера обедал с одним моим другом, и он описал мне разрушенные стены монастыря.

– Значит, он был разрушен! – Слабое восклицание обращено было скорее к себе самой, чем к нам. Потом она опять взглянула на меня и спросила с некоторым колебанием:

– Скажите, мсье, рассказал ли вам друг, как – каким образом – был разрушен монастырь?

– Он был взорван, – ответил я и добавил: – Крестьяне боятся проходить мимо него ночью.

– Почему они боятся?

– Потому что на полуразрушенной стене сохранилась темная отметина. Она внушает им суеверный страх.

Женщина подалась вперед.

– Скажите мне, мсье, – скорей, скорей, – на что похож этот знак?

– У него очертания огромной собаки, – ответил я. – Крестьяне называют это пятно Гончей Смерти.

– Ох!

Душераздирающий вскрик сорвался с ее губ.

– Тогда, значит, это все правда. Все, что я вспоминала, – это правда. Это вовсе не мрачный ночной кошмар. Это было! Было!

– Что было, сестра? – спросил доктор, понизив голос.

Она решительно повернулась к нему.

– Я вспомнила. Там, на ступенях, я вспомнила. Я вспомнила, как все произошло. Я использовала силу, как мы обычно используем ее. Я стояла на ступенях алтаря и просила их не подходить ближе. Я просила их уйти с миром. Они не хотели слушать, они подошли, несмотря на мое предупреждение. И тогда... – Она наклонилась вперед и сделала странный жест. – И тогда я спустила на них Пса смерти...

Она откинулась в своем шезлонге, по ее телу пробежала дрожь, глаза закрылись.

Доктор поднялся, достал из шкафчика стакан, наполнил его наполовину водой, накапал несколько капель из бутылочки, которую вынул из кармана, и протянул ей.

– Выпейте это, – сказал он твердо.

Она повиновалась – механически, как мне показалось. Взгляд ее был отсутствующим, как будто она всматривалась в себя.

– Так, значит, все это правда, – сказала она. – Все. Город Кругов, Кристальный народ – все. Все это правда.

– Это только кажется, – сказал Роуз. Его голос был тихим и успокаивающим, он хотел ее подбодрить и не нарушать течения ее мыслей.

– Расскажите мне о городе, – попросил он. – О Городе Кругов, так, кажется, вы его называли?

Она отвечала безразличным голосом, механически:

– Да, там было три круга. Первый – круг для избранных, второй – для жриц и внешний круг – для священников.

– А в центре?

Она глубоко вздохнула, и ее голос понизился до неопишуемого благоговейного тона:

– Кристальный дворец...

Выдохнув эти слова, она поднесла правую руку ко лбу и пальцем начертала на нем какой-то знак.

Ее тело, казалось, окаменело, глаза закрылись, она слегка качнулась, затем внезапно рывком выпрямилась, как будто очнувшись.

– Что такое? – сказала она смущенно. – Что я сказала?

– Ничего, – успокоил Роуз. – Вы устали. Вам нужно отдохнуть. Мы оставим вас.

Она казалась немного удивленной, когда мы направились к выходу.

– Ну, – сказал Роуз, когда мы вышли. – Что вы думаете обо всем этом?

Он искоса бросил на меня быстрый взгляд.

– Я полагаю, ее сознание основательно расстроено, – медленно проговорил я.

– Похоже на то, что оно разрушено?

– Нет, я бы этого не сказал – по существу, она говорила ну просто на удивление убедительно. Когда ее слушаешь, создается впечатление, что она действительно делала то, о чем говорила, – творила великое чудо. Ее вера в то, что она его сотворила, кажется довольно искренней. Вот почему...

– Вот почему вы говорите, что ее сознание расстроено. Вероятно, именно так. Но теперь подойдем к делу с другой стороны. Предположим, что она действительно сотворила чудо – предположим, что именно она, лично, разрушила здание и уничтожила несколько сот человеческих жизней.

– Всего лишь усилием воли? – сказал я с улыбкой.

– Мне не хотелось бы представлять дело именно так. Но согласитесь, что один человек смог бы уничтожить целую толпу, нажав на кнопку, которая управляет минной системой.

– Да, но это делается при помощи техники.

– Правильно, при помощи техники, но которая, в сущности, обуздывает и контролирует естественные силы. Гроза и электростанция – в основе своей – одно и то же.

– Да, но, чтобы контролировать грозу, мы должны использовать механические средства.

Роуз улыбнулся.

– Теперь я собираюсь отклониться от темы. Существует субстанция, которая называется зимолубкой. Она находится в природе в растительной форме. Но ее может получить человек синтетическим и химическим путем в лабораторных условиях.

– Да?

– Моя точка зрения заключается в том, что часто различными путями можно прийти к одинаковому результату. Предположим, наш путь – синтетический. Но возможен и другой. Экстраординарные результаты, достигнутые, например, индийскими факирами, нелегко объяснить. Вещи, которые мы называем сверхъестественными, не обязательно являются таковыми. Электрический фонарь дикарю показался бы сверхъестественным. Сверхъестественное – это всего-навсего естественное, законы которого еще не познаны.

– Вы так считаете? – спросил я зачарованно.

– Да, и я вовсе не исключаю возможности, что человеческое существо обладает способностью обрести безграничную разрушительную силу и использовать ее. Средства, при помощи которых это осуществляется, могут нам показаться сверхъестественными, хотя на самом деле они вовсе не являются таковыми.

Я посмотрел на него. Он рассмеялся.

– Это всего-навсего рассуждение, – сказал он беспечно. – Скажите-ка, вы обратили внимание на ее жест, когда она упомянула Кристальный дворец?

– Она положила руку на лоб.

– Точно. И начертала на нем круг. Очень похоже на то, как католик совершает крестное знамение. Теперь я скажу вам, мистер Энстразер, кое-что достаточно интересное. Я попытался провести опыты со словом «кристалл», столь часто упоминаемым в бессвязных речах моей пациентки. Я одолжил кристалл у одного человека и однажды незаметно подsunул моей пациентке, чтобы проследить за ее реакцией.

– Ну и что же?

– Результат оказался очень любопытным и наталкивающим на размышления. Она уставилась на него, как бы не веря своим глазам. Затем она опустилась перед ним на колени, прошептала несколько слов и потеряла сознание.

– Что это были за слова?

– Весьма примечательные. Она сказала: «Кристалл! Значит, вера еще жива!»

– Невероятно!

– Есть над чем подумать, не так ли? Теперь еще одна любопытная вещь. Когда она очнулась, она все забыла. Я показал ей кристалл и спросил, не знает ли она, что это такое. Она ответила, что, по-видимому, это кристалл, какой используют предсказатели судьбы. Я спросил, видела ли она его прежде. Она ответила: «Никогда, доктор». Но я увидел в ее глазах замешательство. «Что вас беспокоит, сестра?» – спросил я. «Все это странно, – отвечала она. – Я никогда раньше не видела кристалл, однако мне кажется, что он мне хорошо знаком. Здесь что-то есть – если бы я только могла вспомнить...» Усилия памяти причиняли ей такое страдание, что я запретил ей думать об этом. Это было две недели назад. Я специально решил выждать некоторое время. Завтра я собираюсь продолжить эксперимент.

– С кристаллом?

– Да, с кристаллом. Я предложу ей взглянуть на него. Думаю, результат будет интересным.

– А что вы предполагаете извлечь из этого для себя? – спросил я с любопытством.

Слова были праздными, но они дали неожиданный результат. Роуз застыл, вспыхнул, манера его речи слегка изменилась. Он стал говорить более формальным, профессиональным языком:

– Пролить свет на некоторые психические расстройства, недостаточно изученные. Сестра Мария-Анжелика – весьма интересный объект для изучения.

Выходит, интерес Роуза был чисто профессиональным? Я удивился.

– Вы не возражаете, если я тоже буду присутствовать во время эксперимента?

Быть может, это мое воображение, но я почувствовал, что он колебался, прежде чем ответить. Интуиция мне подсказывала, что он не желал моего присутствия.

– Конечно. Я не вижу возражений, – наконец произнес он и добавил: – Полагаю, вы не собираетесь здесь надолго задерживаться?

– Всего на пару дней.

Мне показалось, что мой ответ его удовлетворил. Лицо его прояснилось, и он начал рассказывать о недавних экспериментах, проводимых на морских свинках.

3

Согласно договоренности мы встретились с доктором назавтра в полдень и вместе отправились к сестре Марии-Анжелике. Сегодня доктор был сама доброжелательность. Я подумал, что он стремился сгладить впечатление от вчерашнего.

– Вы не должны слишком серьезно воспринимать то, что я говорю, – заметил он, усмехаясь. – Мне бы не хотелось, чтобы вы во мне увидели дилетанта в оккультных науках. Самое для меня худшее – то, что у меня дьявольская жажда разобраться в этом деле.

– Правда?

– Да, и чем более оно фантастично, тем больше оно мне нравится.

Он рассмеялся, как человек, признающийся в своей забавной склонности к чему-нибудь.

Когда мы пришли в коттедж, районная сестра захотела о чем-то проконсультироваться с Роузом, так что я остался наедине с сестрой Марией-Анжеликой.

Я заметил, что она пристально разглядывает меня.

Наконец она заговорила:

– Здесь хорошая сестра-сиделка, она сказала мне, что вы брат той доброй леди из большого дома, где я жила, когда приехала из Бельгии.

– Да, – подтвердил я.

– Она была очень добра ко мне. Она хорошая.

Она замолчала, как бы погрузившись в свои мысли. Затем сказала:

– Доктор тоже хороший человек?

Я немного смешался.

– Ну да. Я думаю – да.

– О! – Она остановилась и потом продолжила: – Конечно, он очень добр ко мне.

– Я уверен в этом.

Она быстро на меня взглянула.

– Мсье... вы... вы... кто мне теперь скажет... вы верите, что я сумасшедшая?

– Что вы, сестра, подобная мысль никогда...

Она медленно покачала головой, прервав мой протест.

– Сумасшедшая ли я? Я не знаю – какие-то вещи я помню, какие-то забыла...

Она вздохнула, и в этот момент Роуз вошел в комнату.

Он весело ее приветствовал и объяснил, что собирается сегодня предпринять.

– Некоторые люди, как вы знаете, обладают даром видеть вещи в кристалле. Я думаю, сестра, что у вас есть такой дар.

Она выглядела несчастной.

– Нет, нет, я не могу этого сделать. Стараться прочесть будущее – это грешно.

Роуз был обескуражен. Такого ответа монахини он не предвидел. Тогда он ловко изменил свой подход.

– Никому не следует заглядывать в будущее. Вы совершенно правы. Но заглянуть в прошлое – совсем другое дело.

– В прошлое?

– Ну да – в прошлом так много удивительного. Озарения приходят оттуда, они длятся мгновения – и затем исчезают. Не старайтесь увидеть что-нибудь в кристалле, пока я вам не разрешу. Только возьмите его в руки – вот так. Вглядитесь в него – смотрите вглубь. Глубже, еще глубже. Вы вспоминаете, не так ли? Вы вспоминаете. Вы слышите меня. Вы можете отвечать на мои вопросы. Слышите ли вы меня?

Сестра Мария-Анжелика взяла кристалл и держала его в руках с удивительным благоговением. Потом, когда она пристально всмотрелась в него, глаза ее стали пустыми, невидящими, голова склонилась. Казалось, она уснула.

Доктор осторожно взял кристалл из ее рук и положил на стол. Он приподнял уголок ее века. Затем сел рядом со мной.

– Мы должны подождать, пока она проснется. Думаю, это произойдет скоро.

Он оказался прав. На исходе пятой минуты сестра Мария-Анжелика зашевелилась. Ее глаза медленно открылись.

– Где я?

– Вы здесь – дома. Вы немного задремали. Вы видели сон, не так ли?

Она кивнула.

– Да, я видела сон.

– Вы видели во сне кристалл?

– Да.

– Расскажите нам об этом.

– Вы подумаете, что я сумасшедшая, доктор. Ибо, понимаете, в моем сне Кристалл был священным символом. Я даже нарисовала в своем воображении второго Христа – Кристального Учителя, кто умер за свою веру, его последователи были схвачены – их преследовали. Но вера все преодолела. Да, пятнадцать тысяч полных лун – значит, пятнадцать тысячелетий назад.

– Как долго длится полная луна?

– Тринадцать простых лун. Да, конечно, это было пятнадцать тысяч полных лун назад. Я была жрицей Пятого знака в Кристальном дворце. Это было в первые дни прихода Шестого знака...

Ее брови сошлись, будто какое-то страшное видение пронеслось перед ее глазами.

– Слишком рано, – прошептала она. – Слишком рано. Ошибка... Ах да, я помню! Шестой знак!

Она привстала, затем опустилась назад, провела рукой по лицу и пробормотала:

– Но что я говорю? Я брежу. Этих событий никогда не было.

– Не надо себя утомлять, – сказал доктор.

Она в растерянности смотрела на него.

– Доктор, я не понимаю, почему у меня такие сны, такие видения? Мне едва исполнилось шестнадцать, когда я стала монахиней. Я никогда не путешествовала. А мне снятся города, странные люди, странные обычаи. Почему? – Она сжала голову руками.

– Вас когда-нибудь гипнотизировали, сестра? Или, может, вам приходилось находиться в состоянии транса?

– Меня никогда не гипнотизировали, доктор. С другой стороны, во время молитвы в часовне мой дух часто отделялся от тела, и я в течение долгих часов была как мертвая. Это, безусловно, было блаженное состояние. Преподобная мать говорила: состояние благодати. Ах да. – У нее прервалось дыхание. – *Я вспоминаю, мы тоже называли это состоянием благодати.*

– Мне хотелось бы провести эксперимент, сестра, – проговорил Роуз сухим деловым тоном. – Это может развеять болезненные полувоспоминания. Я прошу вас еще раз всмотреться в кристалл. Я буду называть определенное слово. Вы мне будете произносить в ответ другое. Мы продолжим опыт, пока вы не устанете. Концентрируйте ваши мысли на кристалле, а не на словах.

Когда я еще раз развернул кристалл и дал его в руки сестре Марии-Анжелике, я заметил, с каким почтением она коснулась его. Завернутый прежде в черный бархат, он лежал теперь, прозрачный, чистый, на ее хрупких ладонях. Ее удивительные глубокие глаза всматривались в кристалл. После краткого молчания доктор произнес:

– Гончая.

Сестра Мария-Анжелика ответила немедленно:

– Смерть.

4

Я не собирался давать полный отчет об эксперименте. Доктор специально произносил много несущественных и не имеющих никакого смысла слов. Некоторые слова он повторял по нескольку раз, иногда получая на них один и тот же ответ, иногда ответы были различными.

Этим вечером в маленьком домике доктора над обрывом мы обсуждали результаты эксперимента.

Он откашлялся и пододвинул к себе записную книжку.

– Результаты очень интересны, очень любопытны. В ответ на слова «Шестой знак» мы получили различные ответы: «Разрушение», «Пурпур», «Гончая», «Сила», затем снова «Разрушение» и в конце «Сила». Позже, как вы могли заметить, я изменил методику и получил следующие результаты. В ответ на слово «Разрушение» получил «Гончая», на «Пурпур» – «Сила», на «Гончая» – опять «Смерть», и на «Сила» – «Гончая». Все пары держатся вместе, но при повторении слова «Разрушение» я получил «Море», слово это появилось явно не к месту. На слова «Пятый знак» я получил ответ – «Голубой», «Мысли», «Птица», снова «Голубой» и наконец фразу, заставляющую подумать: «Открытие сознания другому сознанию». Из этого факта, что на слова «Четвертый знак» получен ответ «Желтый», а позже «Свет», а на «Первый знак» – «Кровь», я сделал вывод, что каждому знаку соответствует определенный цвет и, возможно, особый символ, тогда для Пятого знака – это «Птица», а для Шестого – «Гончая». Однако я подозреваю, что Пятый знак представляет собой то, что обычно понимается как телепатия – открытие сознания сознанию. Шестой знак, вне всякого сомнения, символизирует Силу Разрушения.

– Что означает «Море»?

– Признаюсь, не могу объяснить. Я ввел это слово позже и получил тривиальный ответ «Лодка». Для Седьмого знака я получил сначала ответ «Жизнь», а второй раз – «Любовь». Для Восьмого знака ответом было «Ничто». Отсюда я заключил, что Семь – это сумма и число знаков.

– Но Седьмой знак не был достигнут, – вдруг осенило меня. – Поскольку с Шестым знаком пришло *«Разрушение»!*

– Ах! Вы так думаете? Но мы подошли к этим бессвязным сумасшедшим словам слишком серьезно. В действительности они представляют интерес лишь с медицинской точки зрения.

– Уверен, что они привлекут внимание исследователя психики.

Глаза доктора сощурились:

– Дорогой сэр, у меня нет намерения сделать их достоянием гласности.

– Но тогда чем объясняется ваш интерес?

– Он чисто личный. Разумеется, я сделаю записи об этом случае.

– Понимаю, – сказал я, но впервые почувствовал, что ничего не понимаю. Я поднялся.

– Ну, доктор, желаю вам доброй ночи. Завтра я возвращаюсь в город.

– А! – В этом восклицании я ощутил удовлетворение, может, даже облегчение.

– Я желаю вам успехов в ваших исследованиях, – продолжал я легко. – Не спускайте только на меня Гончую Смерти, когда мы встретимся в следующий раз!

Его рука была в моей, когда я произносил эти слова, и я почувствовал, что начало этому действию положено. Он быстро опомнился. Губы его приоткрылись, обнажая в улыбке длинные заостренные зубы.

– Как понимает власть человек, который любит власть? – воскликнул он. – Держать жизнь любого человеческого существа в своем кулаке!

И его улыбка стала еще шире.

5

Так закончилось мое непосредственное участие в описываемых событиях.

Позже ко мне попали записная книжка доктора и его дневник. Я воспроизвожу здесь несколько фрагментов из него, хотя, как вы поймете, до определенных пор он не являлся моей собственностью.

«5 августа. Установил, что под «Избранными» сестра М.-А. подразумевала тех, кто воспроизводил расу. Очевидно, они пользовались наивысшим почетом и возвышались над жреческим сословием. Контраст с ранними христианами.

7 августа. Убедил сестру М.-А. позволить мне загипнотизировать ее. В результате возник гипнотический сон и транс, но обратная связь не была достигнута.

9 августа. Существовали ли в прошлом цивилизации, не имеющие с нашей ничего общего? Интересно, что если это так, то я единственный человек, у которого есть ключ к этому...

12 августа. Сестра М.-А. совершенно не поддается внушению под гипнозом. Однако состояние транса достигается легко. Не могу этого понять.

13 августа. Сестра М.-А. сегодня упомянула, что в «состоянии благодати ворота должны быть закрыты, чтобы другой не мог командовать телом». Интересно – но сбивает с толку.

18 августа. Итак, Первый знак не что иное, как... (здесь слова стерты) ... сколько столетий займет путь до Шестого знака? Ну а если сократить путь к силе...

20 августа. Организовал приход М.-А. сюда вместе с сестрой-сиделкой. Сказал ей, что это необходимо, чтобы держать пациентку под

морфием. Сумасшедший ли я? Или стану Сверхчеловеком и буду держать Силу смерти в своих руках?»

На этом записи обрываются.

6

Было, я думаю, двадцать девятое августа, когда я получил письмо.

Оно было направлено мне через мою кузину и написано незнакомым косым почерком. Я открыл его с некоторым любопытством. Вот что я прочитал:

«Дорогой мсье, я видела вас лишь дважды, но почувствовала, что могу вам довериться. Являлись ли мои сны реальностью или нет, станет ясно позже... Но, мсье, при любых обстоятельствах одна вещь не является видением – Гончая Смерти... В те дни, о которых я вам рассказываю (были они реальностью или нет, я не знаю), Тот, Кто является Стражем Кристалла, открыл Шестой знак народу слишком скоро... Зло проникло в их сердца. Они обладали силой убивать по желанию, и они убивали без суда, во гневе. Они с возжелением испили Силу. Когда мы увидели это, мы, кто были еще чисты, мы знали, что, не завершив еще раз Круга, мы не придем к Знаку Вечной Жизни. Тот, кто должен был стать следующим Хранителем Кристалла, был призван действовать. Старый мог умереть, а другой после многих веков мог прийти снова, он спустил Гончую Смерти на море (не позаботившись завершить круг), и море поднялось и в форме Гончей поглотило сушу...

Однажды, прежде чем я вспомнила это, на ступенях алтаря в Бельгии...

Доктор Роуз, он из Братства. Он знает Первый знак и форму Второго, ибо его значение сокрыто от всех благодаря малому числу избранных. Он хотел бы узнать от меня Шестой знак. Я долго противостояла ему, но силы мои иссякли. Мсье, нехорошо, когда человек может обрести силу преждевременно. Многие столетия должны миновать, прежде чем мир будет готов вручить Силу смерти в его руки... Я умоляю вас, мсье, вас, кто любит добро и истину, помочь мне... пока не поздно.

*Ваша сестра во Христе,
Мария-Анжелика».*

Я опустил письмо. Земля под ногами показалась мне не такой твердой, как всегда. Я стал собираться в путь. Вера бедной женщины, такая искренняя, взволновала меня. Одно было ясно: доктор Роуз из-за исключительного интереса к этому случаю злоупотребил своим профессиональным положением. Я хотел было броситься к выходу и... вдруг на столе среди прочей корреспонденции заметил письмо от Китти. Я вскрыл его.

«Произошло нечто ужасное, – читал я. – Ты помнишь маленький коттедж доктора Роуза на скале? Он был унесен оползнем прошлой ночью, доктор и бедная монахиня, сестра Мария-Анжелика, погибли. Развалины на берегу ужасающе – все нагромождено в фантастическую груды – издали она своими очертаниями очень похожа на огромного пса...»

Письмо выпало у меня из рук.

Другие факты могут быть совпадением. Мистер Роуз, который, как я обнаружил, находился в родственных отношениях с доктором Роузом, умер в ту самую ночь, пораженный молнией. Насколько было известно, никакой грозы поблизости не было, правда, один или

два человека заявили, что слышали удар грома. На его теле обнаружили электрический ожог «странный формы». Все свое состояние он завещал племяннику – доктору Роузу.

Далее можно предположить, что доктору Роузу удалось вывести тайну Шестого знака у сестры Марии-Анжелики. Я всегда чувствовал, что он беспринципный человек – он бы не остановился перед тем, чтобы лишить своего дядю жизни, если бы был уверен, что его никто не уличит. Но одна фраза из письма Марии-Анжелики засела у меня в мозгу: «...*не позаботившись завершить Круг...*» Доктор Роуз не выполнил того, что был обязан делать – быть может, он даже не знал, как к этому подступиться, или даже не сознавал необходимости этого действия. Так что Силу он использовал повторно, завершая ее Круг...

Но, конечно же, все это бессмыслица! Все можно объяснить вполне естественными причинами. То, что доктор верил в видения сестры Марии-Анжелики, лишь подтверждало, что у него была расстроена психика.

Однако порой я представляю континент в глубинах моря, где некогда жили люди, достигшие высочайшего уровня цивилизации, далеко опередившей нашу...

Или же, наоборот, сестра Мария-Анжелика вспоминала – некоторые считают, что это возможно, – будущее, а не прошлое, и Город Кругов грядет?

Чепуха. Конечно же, все это лишь галлюцинация!

Красный сигнал

– Как это захватывающе! – воскликнула хорошенькая миссис Эверсли, широко раскрыв свои очаровательные, но немного бездумные глаза. – Говорят, будто женщины имеют шестое чувство. Как вы думаете, сэр Эйлингтон, это правда?

Знаменитый психиатр саркастически усмехнулся. Он глубоко презирал этот тип хорошеньких, но глуповатых женщин, к которому принадлежала его соседка за столом. Эйлингтон Уэст был выдающимся специалистом по психическим заболеваниям и вполне осознавал свое место и значение. Он был человеком слегка склонным к эффектам.

– Каких только глупостей люди не говорят, миссис Эверсли. А что этот термин означает – «шестое чувство»?

– Вы, ученые, всегда так строги. Но разве это в самом деле не удивительно, если иногда кто-то безошибочно угадывает то, что только должно случиться? То есть предвидит события, предчувствует их. По-моему, это настоящее чудо. Клер знает, что я имею в виду. Не так ли, Клер? – И миссис Эверсли выразительно посмотрела на хозяйку дома, чуть надув губы и пожав плечами.

Трент промолчала. На небольшом званом обеде, кроме нее и ее мужа Джека Трента, присутствовали Вайолет Эверсли, сэр Эйлингтон Уэст и его племянник Дермот Уэст – старый друг Джека Трента. Джек Трент, довольно крупный румяный человек с добродушной улыбкой и приятным ленивым смешком, подхватил нить разговора.

– Какой вздор, Вайолет! Если, например, близкий вам человек погибает в автомобильной катастрофе, вы непременно вспоминаете, что в прошлый вторник видели во сне черного кота – вот вам и чудо, ведь вы тогда же ощутили: что-то должно произойти.

– О нет, Джек, вы смешиваете предчувствие с интуицией. А вы, сэр Эйлингтон, как думаете: существует предчувствие или нет?

– Возможно, в какой-то мере, – осторожно согласился врач. – Но многое зависит от стечения обстоятельств, и, кроме того, всегда следует помнить, что о большинстве подобных случаев, как правило, рассказывают уже спустя некоторое время.

– Я не верю в предчувствия, – довольно решительно сказала Клер Трент. – Или в интуицию, или в шестое чувство, или вообще во что-то из того, о чем мы так оживленно толковали. Мы идем сквозь жизнь, как поезд сквозь тьму, к неизвестному месту назначения.

– Это вряд ли удачное сравнение, миссис Трент, – впервые поднял голову и присоединился к разговору Дермот Уэст. Станным блеском светились его ясные серые глаза, которые резко выделялись на его смуглом лице. – Дело в том, что вы забыли про сигналы.

– Сигналы?

– Да. Зеленый – все в порядке, красный – опасность!

– Красный – опасность! Как интересно! – воскликнула Вайолет Эверсли.

Дермот Уэст довольно раздраженно отвернулся от нее.

– Конечно, это лишь способ как-то обозначить такое явление. Внимание – впереди опасность! Красный Сигнал! Остерегайтесь!

Трент посмотрел на него заинтересованно.

– Ты говоришь так, словно имеешь опыт, старина.

– Да, имею, то есть имел.

– Расскажи нам.

– Могу привести один пример. Это случилось со мной в Месопотамии. Как-то вечером, вскоре после заключения перемирия, захожу я в палатку, и меня охватывает предчувствие: опасность! Берегись! Не имея ни малейшего представления, что бы это значило, я обошел лагерь, придираясь ко всему без причины, принял все необходимые меры предосторожно-

сти против нападения враждебно настроенных арабов. Затем возвратился в палатку. Вскоре предчувствие опасности охватило меня вновь, еще сильнее, чем прежде. Опасность! В конце концов я вынес одеяло из палатки, закутался в него и так спал всю ночь.

– А дальше?

– Первое, что я увидел на следующее утро, когда зашел в палатку, был огромный нож – почти в пол-ярда длиной, проткнувший койку как раз в том месте, где я должен был лежать. Вскоре мне стало известно, что это дело рук одного из слуг-арабов, сына которого расстреляли как шпиона. Что вы можете сказать об этом, дядя Эйлингтон? Разве не яркий пример того, что я называю Красным Сигналом?

Ученый улыбнулся без особого энтузиазма.

– Очень интересная история, мой дорогой Дермот.

– Но для вас недостаточно убедительная?

– В самом деле, недостаточно. Я не сомневаюсь, что тебя, как ты утверждаешь, охватило предчувствие опасности. Однако я ставлю под сомнение причину появления этого предчувствия. Из твоих слов следует, будто оно возникло извне, то есть было вызвано влиянием на твое сознание какого-то внешнего источника. Но сегодня мы знаем, что первопричина почти всех таких явлений приходит из подсознательного.

– Старое доброе подсознательное! – воскликнул Джек Трент. – В наши дни им можно объяснить что угодно.

Словно и не заметив, что его перебили, сэр Эйлингтон продолжал:

– Я думаю, что своим поведением или взглядом этот араб как-то выдал себя, хотя осознанно ты ничего не заметил и не запомнил, но в твоём подсознании все было по-другому. Подсознание никогда ничего не забывает. Мы допускаем также, что в подсознании идет рассудочный процесс и делаются выводы вполне независимо от высшего, то есть сознательного, желания. В твоём подсознании возникло подозрение о возможности покушения на твою жизнь, что пробудило в сознании защитную реакцию.

– Признаю: звучит весьма убедительно, – улыбнулся Дермот.

– Но не так интересно, – надула губы миссис Эверсли.

– Возможно также, что подсознательно ты почувствовал ненависть к себе со стороны того араба, – продолжал сэр Эйлингтон. – То, что в старину называли телепатией, конечно, существует, хотя условия, при которых она возникает, очень мало изучены.

– А еще какие-то происшествия с вами случались? – обратилась Клер к Дермоту.

– О да! Но больше ничего необычного, и, думаю, все они могут быть объяснены стечением обстоятельств. Один раз я отказался от приглашения в один загородный дом только потому, что зажегся Красный Сигнал. На той же неделе там произошел пожар. Кстати, дядя, а как сработало подсознание тут?

– Боюсь, что никак, – улыбнулся в ответ сэр Эйлингтон.

– Но вы, конечно, найдете этому объяснение. Говорите же. Вовсе не обязательно быть чрезмерно деликатным с близкими родственниками.

– В таком случае, племянник, я позволю себе допустить, что ты отказался от приглашения, ибо не имел большого желания туда ехать, а после пожара убедил себя, что предчувствовал опасность, и теперь безоговорочно этому веришь.

– С вами невозможно спорить, – засмеялся Дермот. – Вы всегда будете победителем.

– Не обращайтесь внимания, мистер Уэст! – воскликнула Вайолет Эверсли. – Я верю в ваш Красный Сигнал безоговорочно. А после Месопотамии он больше не появлялся?

– Нет... да...

– Что вы сказали?

– Да нет, ничего.

Дермот замолчал. Слова, которые чуть не слетели с его уст, были: «Нет, до сегодняшнего вечера». Они появились сами собой и выражали еще не до конца осознанную мысль, но – он это почувствовал сразу – в них была истина. В темноте мерцал Красный Сигнал. Опасность! Опасность рядом!

Но откуда? Какая мыслимая опасность может быть тут, в доме его друзей? Ну, в конце концов, своего рода опасность существовала. Он посмотрел на Клер Трент – бледное, с тонкими чертами лицо, изящный наклон золотистой головки. Но эта опасность возникла не сегодня и никак не могла быть такой острой. Ибо Джек Трент – его лучший друг. И даже больше, чем просто лучший друг. Джек спас ему жизнь во Фландрии и был за это представлен к Кресту Виктории. Джек – славный парень, один из наилучших людей, которые есть на свете. На свою беду, он полюбил жену Джека. Он надеялся, что со временем найдет в себе силы преодолеть это чувство. Страдать так, как сейчас, без конца невозможно. Он покончит с этим, он возьмет себя в руки. Вряд ли Клер догадалась, а если бы и догадалась, в его любви к ней опасности не было. Статуя, прекрасная статуя из золота, слоновой кости и бледно-розового коралла... игрушка для королей, а не живая женщина...

Клер... Даже мысленно произнося ее имя, он ощущал боль... Он должен с этим справиться. Он любил женщин и до нее. «Но совсем не так», как обычно говорится. «Совсем не так» – и в этом вся суть. Опасности здесь нет, сердечная боль – да, но не опасность. По крайней мере, не та опасность, о которой предостерегает Красный Сигнал. Это нечто совсем иное.

Он оглядел сидящих за столом, и только теперь его поразило, что тут собралось довольно необычное общество. Его дядя, например, редко обедал вне дома в таком узком неофициальном кругу. Не похоже было также, что Тренты – его старые друзья. До сегодняшнего вечера Дермоту и в голову не приходило, что он их вообще не знает. Конечно, повод был. После обеда должна прийти довольно известная женщина-медиум и провести сеанс. Сэр Эйлингтон как будто интересовался спиритизмом. Да, это, конечно же, был повод.

Это слово привлекло его внимание. Не был ли спиритический сеанс лишь поводом, вполне естественно объяснявшим присутствие психиатра на этом обеде? Если так, то какая же настоящая причина привела его сюда? Дермоту припомнилось множество подробностей – подробностей, ранее не замеченных, или, как сказал бы дядя, не замеченных сознанием.

Знаменитый психиатр несколько раз странно, очень странно посмотрел на Клер. Так, словно наблюдал за нею. Под его пристальным взглядом она беспокоилась и не знала, куда девать руки, дрожащие от волнения. Она волновалась, очень волновалась и как будто чего-то боялась. Почему она боялась?

Усилием воли он заставил себя прислушаться к разговору за столом. Миссис Эверсли уговорила великого врача рассказать кое-что о своей профессии.

– Мои милые дамы, – говорил тот, – что такое сумасшествие? Поверьте мне, чем больше мы это явление изучаем, тем труднее нам его так называть. Все мы в определенной мере склонны к самовозвеличиванию. Но когда кто-то из нас начинает думать, будто он русский царь, ему или затыкают рот, или сажают в дом сумасшедших. Но прежде чем дойти до такого, надо преодолеть длинный путь. И можно ли поставить на нем где-то столб и сказать: «По эту сторону – здравый смысл, на той – безумие». Конечно же нет. И если бы тот, кто страдает такой манией, держал язык за зубами, мы, возможно, никогда не смогли бы отличить его от нормального человека. Чрезвычайная рассудительность душевнобольного – очень интересный феномен.

Сэр Эйлингтон, смакуя, отпил вина и лучезарно улыбнулся обществу.

– Я слыхала, что они очень хитрые, – заметила миссис Эверсли. – Это я про сумасшедших.

– Так оно и есть. А подавление ими в себе этой мании часто приводит к губительным последствиям. Любое подавление опасно – так учит нас психоанализ. Человек, склонный к безвредной эксцентричности, редко переходит границу. Но мужчина... – он сделал паузу, – или женщина, которые кажутся вполне нормальными, на самом деле могут быть источниками большой опасности для общества.

Его пристальный взгляд мягко скользнул вдоль стола к Клер и обратно. И снова он плотнул вина.

Дермота охватил ужасный страх. Неужели то, про что он думал, правда? Невероятно, но...

– И все из-за подавления собственного «я», – вздохнула миссис Эверсли. – Теперь я вижу, что всегда следует целиком проявлять свою индивидуальность. Иначе – страшная опасность.

– Милая миссис Эверсли, – возразил врач, – вы неправильно меня поняли. Причина болезни в физическом состоянии мозга и часто зависит от какого-то внешнего фактора – например, от удара. А иногда, к сожалению, такая болезнь переходит по наследству.

– Наследственность – это так печально, – вздохнула рассеянно женщина. – Туберкулез и тому подобное.

– Туберкулез – болезнь не наследственная, – возразил холодно сэр Эйлингтон.

– Нет? А я всегда думала, что наследственная. А сумасшествие? Как ужасно! А еще что?

– Подагра, – ответил сэр Эйлингтон, улыбнувшись. – И дальтонизм. Тут мы встречаемся с очень интересным явлением. Дальтонизм передается мужчине, но у женщин он скрыт. Если среди мужчин дальтоников много, то женщина может стать дальтоником лишь тогда, когда был скрытый дальтонизм у матери и отец ее был дальтоником, – довольно редкое явление. Это то, что называют ограниченной половой наследственностью.

– Как интересно! Но с сумасшествием совсем по-другому, не так ли?

– Сумасшествие передается одинаково как мужчинам, так и женщинам, – серьезно сказал врач.

Клер вдруг поднялась, отодвинув стул так резко, что он опрокинулся и упал на пол. Она была очень бледна, пальцы ее заметно дрожали.

– Может... может, пора кончать этот разговор? – попросила она. – Через несколько минут придет миссис Томпсон.

– Еще бокал портвейна – и я к вашим услугам, – заявил сэр Эйлингтон. – Ведь я пришел сюда только ради того, чтоб посмотреть представление очаровательной миссис Томпсон, не так ли? Ха-ха! В иной приманке не нуждаюсь...

Клер поблагодарила вялой улыбкой и, положив руку на плечо миссис Эверсли, вышла из комнаты.

– Боюсь, что я заговорил на сугубо профессиональные темы, – сказал врач, садясь на свое место. – Извините, дорогой друг.

– Пустяки, – небрежно бросил Трент.

Он казался уставшим и озабоченным. Впервые Дермот почувствовал себя чужим в обществе своего друга. Между ними существует тайна, которую не имеет права знать даже старый друг. И все-таки это невероятно. Но что, собственно, произошло? Ничего, кроме нескольких взглядов и волнения жены.

Они посидели еще некоторое время, попивая вино, потом перешли в гостиную. Не успели они туда войти, как было объявлено о прибытии миссис Томпсон.

Медиум оказалась полной, среднего возраста женщиной с громким, довольно грубым голосом, без вкуса одетой в темно-красный бархат.

– Надеюсь, я не опоздала, миссис Трент? – сказала она бодро. – Вы приглашали меня к девяти, ведь так?

– Вы как раз вовремя, миссис Томпсон, – ответила Клер своим приятным, немного глуховатым голосом. – А это наше небольшое общество.

Дальнейших вступлений не последует, как стало очевидно присутствующим. Медиум обвела всех острым пронзительным взглядом.

– Надеюсь, у нас будут хорошие результаты. Не могу высказать, как мне не по себе, когда я, так сказать, оказываюсь неспособной удовлетворить публику. Это меня просто доводит до безумия. Думаю, Широмако (мой дух из Японии, как вы знаете) сможет добраться сюда сегодня без препятствий. Я чувствую себя не совсем хорошо и даже отказалась от греенок с сыром, хотя и очень их люблю.

Дермот слушал наполовину с интересом, наполовину с отвращением. Все так банально! И все же не слишком ли глупо так судить? В конце концов, все было вполне естественным – силы, вызываемые медиумом, были естественными силами, просто пока еще совершенно непонятными. У великого хирурга может быть расстройство желудка перед сложной операцией. Почему же такого не может произойти с миссис Томпсон?

Стулья поставили кругом, лампы – так, чтоб их удобно было поднять или опустить. Дермот обратил внимание на то, что не было никакой предварительной подготовки, а также никто не спрашивал, доволен ли сэр Эйлингтон условиями сеанса. Нет, вся эта затея с сеансами миссис Томпсон – это только ширма. Сэр Эйлингтон пришел сюда совсем с другой целью. Дермот вспомнил, что мать Клер умерла за границей. С ее смертью была связана какая-то тайна... Наследственность.

Усилием воли он принудил себя вернуться к действительности.

Когда присутствующие уселись, были потушены лампы, кроме одной, маленькой, которая стояла на отдаленном столике, затененная красным абажуром. Сначала слышно было лишь тихое ровное дыхание медиума. Постепенно оно становилось все более затрудненным. Вдруг где-то в дальнем углу комнаты раздался тихий стук. От неожиданности Дермот подскочил. Стук повторился в противоположном конце комнаты, а потом обрушилось настоящее крещендо стуков. Они стихли, и внезапный взрыв фальшивого смеха прокатился по комнате. Наступившую затем тишину разорвал высокий, звонкий голос, совсем непохожий на голос миссис Томпсон.

– Я тут, джентльмены, – сказал голос. – Да-а-а, я тут. Вы хотите задать мне вопросы?

– Вы кто? Широмако?

– Да-а-а, я Широмако. Я давно тут. Я работаю. Я очень счастлив.

Дальше шли подробности из жизни Широмако. Все было слишком затасканно и неинтересно. Дермот слышал такое далеко не впервые. Все были счастливы, очень счастливы. Известия приходили от родственников, описанных столь общими фразами, что их можно было принять за чьих угодно родственников. Пожилая дама, мать одного из присутствующих, некоторое время высказывала прописные истины таким тоном, словно они только что родились на свет божий в результате ее раздумий.

– А сейчас еще одно сообщение, – объявил Широмако, – очень важное для одного из джентльменов.

Наступила пауза, после которой заговорил новый голос, предварив свои слова демоническим гоготом.

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Лучше не ходите домой! Лучше не ходите домой! Послушайтесь моего совета!

– К кому вы обращаетесь? – спросил Трент.

– К одному из вас троих. На его месте я не пошел бы домой. Опасность! Кровь! Не очень много, но вполне достаточно. Не ходите домой! – Голос стал затихать. – Не ходи-и-те до-о-о-мой!

Голос замолчал. Дермот почувствовал, как стынет его кровь. Он был уверен, что предостережение предназначалось ему. Во всяком случае, какая-то опасность сегодня ночью была повсюду.

Послышался тяжелый вздох медиума, потом стон. Медиум приходила в себя. Включили свет. Она сидела выпрямившаяся, ее глаза немного блестели.

– Надеюсь, с вами все в порядке?

– Все было очень хорошо, спасибо вам, миссис Томпсон.

– То есть спасибо Широмако?

– Конечно, и всем другим.

Миссис Томпсон зевнула.

– Я смертельно устала и очень истощена, но честно заслужила вашу благодарность и довольна, что все прошло успешно. Я слегка побаивалась, не случилось бы чего-нибудь непредвиденного. В этой комнате сегодня какая-то тревожная атмосфера. – Она посмотрела через одно свое плечо, через другое, беспокойно пожала ими и продолжала дальше: – Мне это не нравится. Среди вас не было недавно внезапной смерти?

– Среди нас? Кого вы имеете в виду?

– Ну среди ваших близких родственников или друзей. Нет? Вот и хорошо. Если б я не боялась показаться мелодраматичной, то сказала б, что сегодня тут витает смерть. Ну, да это лишь моя фантазия. До свидания, миссис Трент. Я рада, что вы довольны.

Миссис Томпсон в своем темно-красном бархате вышла.

– Надеюсь, вам было интересно, сэр Эйлингтон? – тихо спросила Клер.

– Чрезвычайно интересный вечер, милая хозяйка. Искренне благодарю за это представление. Разрешите пожелать вам спокойной ночи. А вы ведь, кажется, едете на танцевальный вечер?

– Может, и вы поедете с нами?

– Нет, нет. Я взял себе за правило укладываться в кровать до половины двенадцатого. Спокойной ночи. Спокойной ночи, миссис Эверсли. Ага, Дермот! Я очень хотел бы поговорить с тобой. Может, поедем вместе? А потом ты присоединишься к другим в галерее Графтон.

– Конечно, дядя. Встретимся там, Джек.

Во время недолгого пути до Харли-стрит дядя и племянник почти не разговаривали. Сэр Эйлингтон лишь извинялся за то, что потянул Дермота с собой, и заверил, что отнимет у него лишь несколько минут, а когда они приехали, спросил:

– Оставить тебе машину, мой мальчик?

– О, не беспокойтесь, дядя, я возьму такси.

– Очень хорошо. Я не люблю задерживать Чарлсона дольше, чем это требуется. До свидания, Чарлсон. Куда, черт возьми, я подевал свой ключ?

Машина отъехала, а сэр Эйлингтон все еще стоял на ступенях, напрасно ощупывая свои карманы.

– Наверно, оставил в другом пальто, – сказал он наконец. – Позвони, пожалуйста. Я уверен, Джонсон еще не спит.

Невозмутимый Джонсон в самом деле открыл дверь меньше чем через минуту.

– Я где-то потерял свой ключ, Джонсон, – сказал сэр Эйлингтон. – Принеси, пожалуйста, в библиотеку два стакана виски с содовой.

– Слушаюсь, сэр Эйлингтон.

Включив в библиотеке свет, врач жестом пригласил Дермота войти и закрыть дверь.

– Не стану долго задерживать тебя, только хочу кое о чем спросить. Или это моя фантазия, или ты в самом деле чувствуешь, так сказать, нежность к миссис Трент?

Кровь бросилась в лицо Дермоту.

– Джек Трент – мой лучший друг.

– Извини, но это не ответ на мой вопрос. Ты, видимо, считаешь мои взгляды на развод слишком пуританскими. Но должен тебе напомнить: ты мой единственный близкий родственник и наследник.

– О разводе здесь нет речи, – сказал Дермот сердито.

– Конечно – нет. По причине, которая мне, возможно, известна лучше, чем тебе. Эту причину я тебе сейчас открыть не могу. Но должен предостеречь: Клер Трент – не для тебя.

Молодой человек стойко выдержал взгляд дяди.

– Я понимаю – и, позвольте мне сказать, наверное, лучше, чем вам кажется. Я знаю, почему вы были сегодня на обеде.

– Знаешь? – удивился врач. – Как ты можешь это знать?

– Считайте, что догадался, сэр. Наверно, я не ошибусь, если скажу, что вы были там как специалист. Разве не так?

Сэр Эйлингтон прошелся взад-вперед по комнате.

– Ты не ошибаешься, Дермот. Я, конечно, не мог тебе открыться, хотя, боюсь, скоро это перестанет быть тайной.

Сердце Дермота сжалось.

– Вы хотите сказать, что пришли к определенному выводу?

– Да. В семье сумасшествие со стороны матери. Печальный, очень печальный случай.

– Я не могу в это поверить, сэр.

– Естественно. Для непосвященных признаков мало, по сути, нет вообще.

– А для специалиста?

– Неоспоримый факт. Такого больного следует изолировать, и как можно скорее.

– Боже мой! – выдохнул Дермот. – Вы же не можете посадить человека под замок ни за что ни про что?

– Мой дорогой Дермот, больных изолируют только тогда, когда на свободе они представляют опасность для общества. В данном случае опасность очень серьезная. Вполне вероятно, что это особая форма мании убийства. Так было в случае с матерью.

Закрыв руками лицо, Дермот отвернулся и даже застонал. О Клер, о бело-золотистая Клер!..

– При таких обстоятельствах, – спокойно продолжал врач, – я считаю своей обязанностью предостеречь тебя.

– Клер, – простонал Дермот. – Бедная Клер!

– Да. Действительно, мы должны ее пожалеть.

Вдруг Дермот поднял голову.

– Я не верю в это.

– Что ты сказал?

– Сказал, что я не верю в это. Врачи иногда ошибаются. Это всем известно. Они слишком влюблены в свою профессию.

– Мой дорогой Дермот!.. – сердито воскликнул сэр Эйлингтон.

– Не верю я в это, и все! А если и так, мне все равно. Я люблю Клер. Если она поедет со мной, я заберу ее отсюда. Далеко. Туда, где ее не достанут назойливые доктора. Я буду оберегать ее, заботиться о ней, защищать ее своей любовью.

– Ничего подобного ты не сделаешь. Ты что, сошел с ума?

Дермот пренебрежительно усмехнулся.

– Это у вас профессиональное – считать всех людей сумасшедшими.

– Пойми меня, Дермот. – Лицо сэра Эйлингтона исказилось от гнева. – Если ты опозоришь себя таким поступком, это будет конец. Я лишу тебя содержания, какое ты получаешь от меня теперь, составлю новое завещание и все, что у меня есть, раздам разным больницам.

– Делайте с вашими проклятыми деньгами что хотите, – тихо проговорил Дермот. – А у меня будет женщина, которую я люблю.

– Женщина, которая...

– Скажете о ней плохое слово, и я, ей-богу, убью вас! – выкрикнул Дермот.

Тихий звон бокалов заставил их оглянуться. В разгар перепалки в комнату неслышно вошел Джонсон с подносом в руках. У него было неподвижное лицо воспитанного слуги, но Дермоту хотелось бы знать, что он успел подслушать.

– Хорошо, Джонсон, – резко сказал сэр Эйлингтон, – можете идти отдыхать.

– Спасибо, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Джонсон вышел. Сэр Эйлингтон и Дермот переглянулись. Внезапное появление Джонсона утихомирило бурю.

– Дядюшка, – заговорил Дермот, – я не должен был так разговаривать с вами. Я хорошо понимаю, что с вашей точки зрения вы совершенно правы. Но я давно уже люблю Клер. То, что Джек Трент – мой самый лучший друг, до сих пор не позволяло мне даже намекнуть ей о своей любви. Но при теперешних обстоятельствах это уже не имеет значения. Мысль, что денежные соображения могут остановить меня, просто абсурдна. Думаю, мы оба сказали все, что считали нужным сказать. Спокойной ночи...

– Дермот...

– В самом деле, спорить дальше ни к чему. Мне жаль, но это так. Спокойной ночи, дядюшка Эйлингтон!

Дермот быстро вышел из комнаты, хлопнув дверью. В холле было темно. Он пересек его, открыл парадную дверь и вышел на улицу; дверь с шумом захлопнулась за его спиной. Немного дальше по улице, у соседнего дома, как раз освободилось такси, и, взяв его, Дермот доехал до Графтона.

В дверях танцевального зала он на мгновение нерешительно остановился и осмотрелся. Пронзительные звуки джаза, улыбающиеся женщины – казалось, он попал в иной мир.

Может, ему все приснилось? Невероятно, чтобы этот резкий разговор с дядей состоялся на самом деле. Улыбнувшись, мимо проплыла Клер, похожая на лилию в своем белом с серебристыми блестками платье, плотно облегавшем ее тонкую грациозную фигурку. Лицо ее было спокойным. Наверное, тот невероятный разговор все-таки приснился ему.

Танец окончился. Тут же Клер, улыбаясь, подошла к нему. Словно во сне, он пригласил ее на следующий танец. Он держал ее в объятьях, звучала знакомая мелодия. Вдруг Дермот почувствовал, что Клер словно обмякла.

– Вы устали? Хотите отдохнуть?

– Если не возражаете. Пойдемте куда-нибудь, где можно поговорить. Мне нужно вам кое-что сказать.

Нет, это был не сон. Словно больно ударившись, Дермот возвратился в реальный мир. Как он мог подумать, что лицо у нее спокойно? На нем отражались тревога и страх. Неужели ей что-то известно?

Он нашел тихий уголок, и они сели рядом.

– Я вас слушаю, – сказал он беззаботным тоном, хотя на душе было тяжело. – Вы, кажется, хотели мне что-то сказать?

– Да. – Опустив глаза, она нервно теребила кисточку пояса на платье. – Я не знаю, как мне лучше выразиться...

– Говорите, Клер.

– Понимаете... Я хотела бы, чтобы вы... чтобы вы на какое-то время уехали.

Его удивлению не было границ. Он был готов услышать все, что угодно, но не это.

– Вы хотите, чтобы я уехал? Почему?

– Лучше быть откровенными, правда же? Я... я знаю, вы джентльмен и мой друг. Я хочу, чтобы вы уехали, потому что я... я позволила себе... полюбить вас.

– Клер!..

Услышав ее слова, он потерял дар речи.

– Не осуждайте меня, будьте добры, я не такая самоуверенная, чтобы надеяться на вашу взаимность. Просто я... не очень счастлива и... О! Я прошу вас скорее уехать.

– Клер, неужели вы не знаете, что я люблю вас, люблю страстно с тех пор, как мы встретились впервые?

Она испуганно посмотрела ему в глаза.

– Вы меня любите? Давно?

– С первого взгляда.

– О боже! – вскрикнула она. – Почему вы не признались мне раньше, когда я могла быть с вами? Почему сказали об этом только теперь – слишком поздно? Нет, я просто сошла с ума... Я не знаю, что говорю... Я никогда не могла быть с вами...

– Клер, что вы имели в виду, когда сказали: «Теперь – слишком поздно»? Это... Это из-за моего дяди? Из-за того, что он о вас знает? Из-за того, что он думает?

Она молча кивнула. По ее щекам текли слезы.

– Слушайте, Клер, вы не должны всему этому верить. Вы не должны думать об этом. Вы поедете со мной. Мы поедем в южные края – на острова, похожие на изумруды. Вы будете там счастливы. Я буду заботиться о вас, я буду всегда вас оберегать.

Дермот прижал ее к себе и почувствовал, что она вся дрожит. Внезапно она высвободилась из его объятий.

– О нет, будьте добры, не нужно! Разве вы не понимаете? Теперь я не смогла бы... Это было бы ужасно!.. Ужасно!.. Я ведь всегда старалась быть порядочной... А теперь... Это было бы ужасно, просто ужасно!

Ошеломленный ее словами, он не знал, как ему быть. А она смотрела на него умоляющим взглядом.

– Прошу вас, не нужно... Я хочу быть порядочной...

Ни слова не говоря, он поднялся и оставил ее. Ее слова растрогали его, и он сразу ничего не мог ей возразить. Он пошел за пальто и шляпой и там столкнулся с Трентом.

– А, Дермот, что-то ты сегодня рано собрался домой.

– Да нет настроения танцевать.

– Скверный вечер, – согласился Трент угрюмо. – А если бы тебе еще мои заботы...

Дермот испугался, что Трент намеревается доверить ему свои тайны. Только не это! Что угодно, но только не это!

– Ну, пока, – кивнул он торопливо. – Я домой.

– Гм, домой? А как же предостережение духов во время сеанса?

– Я рискну. Спокойной ночи, Джек.

Дермот жил недалеко и, чувствуя необходимость подышать прохладным ночным воздухом, чтобы остудить возбужденный мозг, пошел пешком. Открыв дверь, он зашел в квартиру, включил в спальне свет и сразу же, второй раз за вечер, почувствовал, что перед ним вспыхнул Красный Сигнал. Чувство угрозы было таким сильным, что вытеснило из его сознания даже Клер. Опасность! Он в опасности! Именно в эту минуту и в этой комнате.

Еще недавно Дермот пытался посмеяться над собой и забыть о страхе. Возможно, его попытки не были достаточно решительными. Но Красный Сигнал остерег его своевременно, и это давало ему возможность избежать беды. Все-таки немного посмеиваясь над своим суе-

верием, он осторожно обошел квартиру – не спрятался ли где злоумышленник, – но ничего не обнаружил. Его слуга Милсон уже ушел, и в квартире никого не было.

Вернувшись в спальню, Дермот медленно разделся. Чувство опасности оставалось таким же острым, как и раньше. Он подошел к комоду взять носовой платок и вдруг остановился как вкопанный. Посреди ящика поднимался покатый холмик – видимо, лежало что-то твердое. Дрожащими пальцами Дермот откинул носовые платки и достал то, что было под ними, – револьвер.

Вконец удивленный, Дермот внимательно осмотрел револьвер. Он был незнакомого ему образца, и из него недавно был сделан выстрел. Кроме этого, ничего установить Дермоту не удалось. Положили его в ящик только сегодня вечером. Он был уверен, что, когда одевался к обеду, револьвера там еще не было.

Только Дермот собрался положить оружие обратно в ящик, как прозвучал звонок в дверь, и все звонил и звонил – необычайно громко в тишине пустой квартиры. Кто мог прийти в такое время? На этот вопрос был только один, инстинктивный и неотступный ответ: «Опасность!.. Опасность!.. Опасность!..»

Ведомый инстинктом, который он никак не мог объяснить, Дермот выключил свет, накинул пальто, лежавшее на стуле, и открыл дверь.

Снаружи стояли двое мужчин, сзади них Дермот заметил третьего в голубой униформе. Полицейские!

– Мистер Уэст? – спросил стоявший ближе к нему.

Дермоту показалось, что прошла вечность, прежде чем он ответил. На самом деле промелькнуло только несколько секунд, и он, старательно копируя невыразительный голос своего слуги, проговорил:

– Мистер Уэст еще не пришел. Зачем он вам нужен в такое время?

– Он еще не пришел? Ну что ж, тогда, я думаю, нам лучше войти и подождать его.

– Нет, вы не сделаете этого.

– Слушайте, любезный, я инспектор Веролл из Скотленд-Ярда, и у меня ордер на арест вашего хозяина. Можете посмотреть, если хотите.

Дермот внимательно читал или делал вид, что читает поданную ему бумагу, потом ошеломленно спросил:

– За что? Что он такое совершил?

– Убийство. Сэра Эйлингтона Уэста на Харли-стрит.

В голове у Дермота закружилось. Он отступил перед грозными гостями в гостиную и включил свет. Следом за ним в комнату вошел инспектор.

– Все обыскать! – приказал он другому мужчине, затем повернулся к Дермоту: – Вы остаетесь здесь, дружище. И не пытайтесь выскользнуть, чтобы предупредить вашего хозяина. Кстати, как вас зовут?

– Милсон, сэр.

– Как вы думаете, когда ваш хозяин возвратится домой?

– Не знаю, сэр. Он, кажется, собирался на танцы. В галерею Графтон.

– Он уехал оттуда почти час назад. Вы уверены, что он сюда не приходил?

– Не думаю, сэр. Если бы приходил, я, наверно, услышал бы.

В эту минуту из соседней комнаты появился возбужденный второй мужчина. В его руке был зажат револьвер. Он с волнением протянул его инспектору. На лице инспектора промелькнуло чувство удовлетворения.

– Все понятно, – сказал инспектор. – Наверное, проскользнул и вышел так, что вы не слышали. Значит, он скрылся. Я лучше пойду, Каули, а вы оставайтесь тут на случай, если он вернется. И наблюдайте за этим парнем. Он может знать о своем хозяине больше, чем говорит.

Инспектор быстро вышел. Дермот сделал попытку выяснить у Каули подробности. Тот оказался разговорчивым.

– Абсолютно ясное дело, – сказал он снисходительно. – Убийство было обнаружено почти тотчас же. Джонсон, слуга, только собрался лечь спать, как ему показалось, будто прозвучал выстрел. Он спустился вниз и нашел сэра Эйлингтона мертвым. Пуля попала в сердце. Джонсон сразу же позвонил нам, мы приехали и выслушали его рассказ.

– Который и представил это дело абсолютно ясным? – осмелился спросить Дермот.

– Вот именно. Молодой Уэст приехал со своим дядей, и они ссорились, когда Джонсон принес виски. Старик угрожал составить новое завещание, а ваш хозяин заявил, что убьет его. Не прошло и пяти минут, как гроыхнул выстрел. Вот так! Все яснее ясного. Круглый болван...

Значит, дело ясное. Сердце у Дермота оборвалось, когда он осознал неопровержимость доказательств против него. Опасность! Ужасная опасность! Единственный выход – бегство. Он напряженно обдумывал положение и вскоре предложил приготовить чай. Каули охотно согласился. Он делал в квартире обыск и знал, что черного хода нет.

Получив разрешение, Дермот пошел на кухню, поставил на огонь чайник и начал намеренно бренчать посудой, а потом быстро прокрался к окну и поднял раму. Квартира была на третьем этаже, и снаружи находился стальной трос с маленьким подъемником, которым пользовались развозчики товаров.

Дермот мгновенно оказался за окном и начал спускаться вниз. Трос до крови врезался в руки, но ему было не до того. Через несколько минут, осторожно свернув за угол, Дермот наткнулся на человека, который стоял на тротуаре. К своему превеликому удивлению, он узнал в нем Джека Трента. Тренту уже все было известно об опасности, которая нависла над другом.

– О боже! Ты, Дермот? Быстрее! Не будем терять времени!

Схватив приятеля за руку, Джек повел его переулком, потом другим, а когда они остановили такси, вскочил в него и назвал свой адрес.

– Это теперь самое безопасное место. Там мы поразмышляем, что делать дальше и как сбить этих дураков со следа. Я пришел в надежде предупредить тебя, прежде чем появится полиция, но опоздал.

– Но откуда тебе известно, Джек? Ты же не поверил...

– Конечно нет, дружище, ни на секунду. Я слишком хорошо знаю тебя. И все же твои дела скверные. Они приехали и начали расспрашивать, когда ты пришел в Графтон, когда ушел и так далее. Дермот, кто же мог убить старика?

– Не могу себе представить. Наверно, тот, кто положил револьвер в ящик моего комода. Нет сомнений, он достаточно внимательно следил за нами.

– Эта затея со спиритическим сеансом была очень подозрительной: «Не ходите домой!» Предостережение, выходит, касалось бедняги старого Уэста. Он пошел домой и был убит.

– Меня оно тоже касалось, – отозвался Дермот. – Я пошел домой и нашел подброшенный револьвер, а потом и полиция появилась.

– Ну, надеюсь, меня оно не касалось, – сказал Трент. – Мы приехали.

Он заплатил шоферу, открыл дверь, провел Дермота темной лестницей, толчком распахнул еще одну дверь ипустил его в свой кабинет – маленькую комнатку на втором этаже. Потом включил свет и вошел следом за ним.

– Пока тут совершенно безопасно. А теперь мы в две головы подумаем, как быть дальше.

– Я поставил себя в глупое положение, – вдруг сказал Дермот. – Мне нечего было бояться. Теперь я это ясно вижу. Тут очевидный заговор. Какого черта ты смеешься?

Трент откинулся на спинку стула, трясаясь от неудержимого смеха. В его смехе было что-то жуткое, что-то жуткое было и в нем самом. В его глазах появился странный блеск.

– Необычайно хитрый заговор, – подтвердил он, задыхаясь от смеха. – Дермот, дружище, тебе конец.

Он пододвинул к себе телефон.

– Что ты собираешься делать? – спросил Дермот.

– Звонить в Скотленд-Ярд. Сказать им, что птичка здесь, в надежном месте, и под замком. Да, я запер дверь, когда вошел, а ключ положил в карман. Ты напрасно смотришь на ту дверь, что у меня за спиной. Она ведет в комнату Клер, а она всегда закрывает ее изнутри. Понимаешь, она боится меня. Давно боится и всегда знает, когда я начинаю думать о ноже – о длинном и остром ноже. Оставь, ничего у тебя не выйдет...

Дермот уже хотел прыгнуть на него, но Джек достал из кармана ужасного вида револьвер.

– Это второй, – довольно засмеялся он. – Первый я положил в ящик твоего комода, сразу же после того, как застрелил из него старого Уэста. На что ты там смотришь через мою голову? На ту дверь? Напрасно. Даже если бы Клер открыла ее, а для тебя она могла бы это сделать, я подстрелил бы тебя прежде, чем ты до нее добрался. Не в сердце. Чтобы не убить, а только ранить, чтобы ты не смог убежать. Я стреляю метко, ты знаешь. Когда-то я спас тебе жизнь. Дурак был. Нет, нет, я хочу, чтобы тебя повесили, именно повесили. А нож мне нужен не для тебя. Он для Клер, очаровательной Клер, такой белой и нежной. Старый Уэст об этом знал. Он для того и приходил сегодня, чтобы убедиться, сумасшедший я или нет. Он хотел запрятать меня за решетку, чтобы я не накинулся с ножом на Клер. Я был очень осторожным. Я взял его ключ и твой тоже, выскользнул из танцевального зала, только мы вошли туда. Поехал к его дому, зашел туда сразу после тебя, выстрелил и сразу вышел... Потом приехал к тебе, оставил револьвер, вернулся в Графтон почти одновременно с тобой, а когда мы с тобой прощались, положил ключ назад в карман твоего пальто. Я не боюсь тебе в этом признаться. Больше никто не слышит, а я хотел бы, чтобы ты, когда тебя будут вешать, знал: это сделал я... Боже, как мне смешно! О чем ты думаешь? Что ты, черт тебя побери, там видишь?

– Я думаю, что лучше бы тебе, Трент, не возвращаться домой.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Оглянись.

Трент быстро оглянулся. В двери соседней комнаты стояли Клер и инспектор Веролл...

Трент отреагировал молниеносно. Прозвучал выстрел – и попал в цель. Он упал поперек стола. Инспектор подскочил к нему, а Дермот, словно во сне, смотрел на Клер. Целый рой мыслей, без видимой связи между собой, промелькнул у него в голове: дядя, ссора с ним, страшное недоразумение – английский закон о разводе никогда бы не освободил Клер от сумасшедшего мужа, – «всем нам, известное дело, жаль ее», договоренность между нею и сэром Эйлингтоном, которую хитрый Трент разгадал, ее слова: «Ужасно! Ужасно! Ужасно!» Да, но теперь...

Инспектор выпрямился.

– Мертв, – сказал он с досадой.

– Конечно, – услышал свой голос Дермот. – Он всегда метко стрелял...

Четвертый человек

Отдышавшись, каноник Парфитт обтер лицо и шею большим клетчатым платком. Да, в его возрасте бегать за поездами становилось трудно. С годами он погрузнел и начал страдать одышкой даже от быстрой ходьбы, не говоря уже о беге. Объясняя это новое для него явление, он всегда с достоинством повторял: «Сердечко пошаливает, знаете ли...»

Найдя свое купе в вагоне первого класса, каноник устроился в углу и с облегчением вздохнул. Блаженно вытянув ноги, он почувствовал, как тепло жарко натопленного вагона разливается по его изрядно заоченевшему телу. Теперь валивший снаружи снег был ему не страшен. «Удобное местечко, особенно для такой долгой ночной поездки, – подумал он. – Когда наконец они додумаются цеплять к поезду спальные вагоны?»

Три остальных угла купе были уже заняты. Оглядывая своих попутчиков, каноник Парфитт обнаружил, что человек в дальнем углу приветливо улыбается, явно желая показать, что узнал его. Это был гладко выбритый мужчина с живым насмешливым лицом и седеющими на висках темными волосами. По его виду можно было понять, что он принадлежит к юридическому сословию. И действительно, сэр Джордж Дюран был известным адвокатом.

– Вы здорово бегаєте, Парфитт, – заметил он с добродушной улыбкой. – Наблюдал через окно ваш рывок.

– Иногда приходится, хотя это очень вредно для моего сердца, сэр Джордж, – ответил священник. – Какая удача, что мы едем в одном купе. Приятно иметь умного собеседника во время такого долгого пути. Далеко направляетесь?

– До Ньюкасла, – коротко ответил сэр Джордж. – Да, вы знакомы с доктором Кэмпбеллом Кларком?

Человек, сидевший в соседнем углу по одной стороне с каноником, любезно поклонился.

– Мы с ним столкнулись на платформе. Еще одна приятная случайность.

Каноник Парфитт с нескрываемым интересом посмотрел на доктора Кэмпбелла Кларка, имя которого было ему хорошо знакомо. Доктор Кларк был известным врачом-психиатром, его последняя книга «Проблемы подсознания» имела шумный успех и была у всех на устах.

Перед каноником Парфиттом предстал человек с квадратной челюстью, властными голубыми глазами и рыжеватыми реденеющими волосами. Он производил впечатление человека с очень сильной волей.

По инерции священник перевел взгляд в противоположный угол, подсознательно надеясь и там встретить знакомую личность, но четвертый попутчик оказался совершенно незнакомым, к тому же, по всей видимости, иностранцем. Это был худощавый темноволосый человек довольно невзрачного вида. Казалось, он дремал, закутавшись в широкое пальто и нажав на лоб шляпу.

– Каноник Парфитт из Брэдчестера? – спросил доктор Кэмпбелл Кларк приятным низким баритоном.

Каноник был польщен. Его последние «научные проповеди» произвели настоящий фурор, особенно после того, как их подхватила пресса. Да, он оказался прав. Теперь, как никогда, церковь нуждалась в отвечающей духу времени модернизации.

– Я с огромным интересом прочитал вашу последнюю книгу, доктор Кларк, – ответил он любезностью на любезность. – Хотя некоторые места мне показались сугубо научными, не совсем понятными для нас, простых смертных.

Тут в разговор вмешался Дюран:

– К чему вы склоняетесь больше, каноник, к беседе или ко сну? Должен вам сразу признаться, что у меня бессонница и я бы предпочел побеседовать.

– О, конечно! Непременно! – воскликнул каноник. – Мне очень редко удается заснуть во время ночных поездок, а книга, которую я захватил с собой, очень уж скучна.

– У нас здесь собрался довольно необычный триумвират: церковь, закон и медицина, – с улыбкой заметил доктор.

– Однако это ни в коей мере не мешает нам обмениваться мнениями, – усмехнулся Дюран, – несмотря на то, что церковь, несомненно, будет придерживаться духовной точки зрения, я – обыденной, мирской, выраженной в юриспруденции, ну а у вас, доктор, самый широкий диапазон суждений – от строго научных до парапсихологических. Представляя такие профессии, мы можем говорить практически обо всех сторонах человеческого бытия и сознания.

– Положим, в этом вы не совсем правы, – осадил его доктор Кларк. – Существует еще одна очень важная точка зрения.

– Что вы имеете в виду? – спросил адвокат.

– Точку зрения человека с улицы.

– Разве она столь уж важна? Человек с улицы, как правило, пользуется понятиями и представлениями, которые ему навязываем мы.

– Почти, но не совсем! У него есть одно огромное преимущество перед всеми нами – личный жизненный опыт, всегда сугубо индивидуальный. В конечном итоге, никто не может освободиться от взаимных связей с другими людьми. Я часто с этим сталкиваюсь в моей профессии. На каждого действительно больного, обращающегося ко мне, приходится пять мнимых пациентов, единственной причиной неврозов у которых является их неспособность ужиться с окружающими, будь то дома, на службе или в обществе. В результате сеансов психоанализа я обнаруживал самые нелепейшие причины нервных расстройств – от аппетитной коленки служанки до замешанной на тщеславии графомании. Но всегда главная причина крылась в психической несовместимости, когда в результате столкновения различных образов мышления, мнений, восприятия жизни наружу вылезает дикая человеческая природа.

– Видно, вам пришлось повозиться с множеством людей с расшатанной нервной системой, – сочувственно проговорил каноник, у которого нервы были в полном порядке.

– Вот и вы говорите: «нервы, нервы», – взвился доктор Кларк. – Многие мои пациенты вот так же произносят это слово, а потом смеются, утверждая, что у них, наверное, просто расшалились нервы. Современная медицина лечит не причины, о которых мы знаем не больше, чем во времена королевы Елизаветы, а следствия нервных расстройств!

– Боже праведный! – пробормотал каноник Парфитт, несколько ошеломленный такой бурной реакцией доктора на его невинное замечание. – Неужели это правда?

– Да! И это мы еще выдаем за достижение цивилизации, – с горечью произнес доктор Кэмпбелл Кларк. – В недалеком прошлом человека считали просто устроенным, примитивным животным, некоей комбинацией тела души, причем «ученые мужи» полагали, что перегрузкам подвергается первое, а душа – так, витает беззаботной легкой птичкой.

– Человек включает в себя три субстанции – тело, душу и дух, – мягко проговорил священник.

– Дух? А это еще что такое? Ну, с душой еще более или менее все понятно, это психика, а что вы, священники, подразумеваете под духом? Вы и сами этого толком не знаете. Уже столько столетий вы бьетесь над точным определением духа, но до сих пор этот термин нельзя понять умом, так же как и пощупать душу руками.

Каноник уже откашлялся для того, чтобы произнести свою «научную речь», но, к немалому его огорчению, доктор не дал ему этого сделать. Он напористо продолжал:

– Уверены ли вы, что правильно выбрали само слово «дух»: может быть, «духи»?

– Духи? – спросил сэр Джордж Дюран, насмешливо вздернув вверх брови.

– Да! – перевел на него горящий взгляд Кэмпбелл Кларк. Он наклонился и легонько хлопнул адвоката по груди. – А вы уверены в том, что в этом брэнном каркасе лишь один постоялец? Кто знает наверное... Через семь, десять или семьдесят лет разрушится это вместилище, и жилец соберет свои пожитки и улизнет, оставив его на съедение червям. Настоящий хозяин дома – вы, и только вы, но не приходило ли вам в голову, что могут быть другие – бесшумные, бессловесные, незаметные слуги, делающие свою работу, о которой вы и не подозреваете? А может быть, и не слуги, а друзья, определяющие настроение, овладевающие вами и делающие вас на время «другим человеком»? Да, на время вы – король этого замка, но не забывайте и о негодяе, который тут живет.

– Мой дорогой Кларк, – нараспев проговорил адвокат, – вы вселили в мою душу, или как вы там это называете, какой-то дискомфорт. Неужели действительно моя душа является полем брани двух враждующих сторон? Что, таковы последние данные науки?

Теперь настала очередь доктора пожать плечами.

– То, что им является ваше тело, могу сказать точно. Что же касается сознания, то... почему бы и нет?

– Очень интересно, – без особого энтузиазма произнес каноник Парфитт. – О да! Прекрасная наука психиатрия.

Про себя же он отметил: «Из всего этого можно сделать великолепную проповедь».

Но доктор Кэмпбелл Кларк замолчал, как бы внезапно выдохшись, и откинулся на своем сиденье.

– Дело в том, – продолжал он после паузы, – что в Ньюкасле меня как раз и ждет такой интересный случай – неврастеник, страдающий раздвоением личности.

– Раздвоение личности, – задумчиво повторил сэр Джордж Дюран. – Подобные случаи не столь уж редки. Наверное, к тому же и временная потеря памяти? Мне на ум приходит дело, которое несколько лет назад разбиралось в Верховном суде.

Доктор Кларк кивнул:

– Я помню классический случай Фелиции Болт. О нем еще много писали в газетах.

– Ну конечно! – подхватил каноник Парфитт. – Я с интересом следил за этим делом. Но это было довольно давно, лет семь назад.

Доктор Кларк вновь кивнул:

– Эта девушка вмиг стала самой большой знаменитостью. Понаблюдать за ней приезжали виднейшие ученые со всего мира. В ней уживались четыре совершенно разные личности. Их так и классифицировали: Фелиция Первая, Фелиция Вторая и так далее.

– И ни у кого не возникло сомнений на этот счет и подозрений, что их просто надуют? – бдительно спросил сэр Джордж.

– Вы правы. Фелицию Третью и Четвертую можно было заподозрить в неискренности. У врачей на их счет были кое-какие сомнения, – признал доктор. – Но основные факты опровергнуть не удалось. Фелиция Болт была простой крестьянской девушкой из народа, или с улицы, как вы изволили выразиться. Она была третьим ребенком в семье, в которой было пятеро детей, дочерью пьяницы отца и умственно ущербной матери. В конце концов во время одного из очередных запоев отец в порыве безудержной ярости задушил ее мать и был препровожден на пожизненное заключение в рудниках в Австралии. Фелиции в ту пору было пять лет. Ее взяла на попечение одна из благотворительных организаций. Фелицию воспитала и дала ей начальное образование добрая старая дева, содержавшая что-то вроде сиротского приюта. Однако ей не удалось вылепить из Фелиции что-либо путное. Она отзывалась о девочке как об удивительно глупом и медлительном ребенке с заторможенным развитием. С огромным трудом ей удалось научить Фелицию читать и писать. Девочка была неуклюжей, и у нее все валилось из рук. Ее попечительница, мисс Слейтер, пыталась при-

строить свою воспитанницу служанкой в некоторые благопристойные дома, но она нигде не задерживалась долго по причине своей поразительной тупости и лени.

Доктор на минуту замолчал, и каноник воспользовался этой паузой для того, чтобы поменять положение и поплотнее укутаться в свой дорожный плед. Во время этой процедуры он неожиданно заметил, что дремавший напротив него человек едва заметно пошевелился. Он открыл глаза, и его насмешливо-иронический взгляд не укрылся от наблюдательного каноника. Казалось, что четвертый пассажир внимательно слушал и подсмеивался над всем, о чем здесь говорилось.

– В деле фигурировала фотография Фелиции Болт в семнадцать лет, – продолжал доктор. – Судя по ней, это была неотесанная крестьянская девушка крепкого телосложения. По этой фотографии никак нельзя предположить, что эта серая посредственность вскоре станет одной из самых известных личностей.

Спустя пять лет, когда ей было двадцать два, Фелиция перенесла тяжелое нервное заболевание, и по выздоровлении у нее начали проявляться очень странные симптомы, изучение которых произвело настоящую сенсацию в науке.

Личность, названная Фелиция Первая, была первым «я» Фелиции Болт, какой ее знали в последние годы. Она с ошибками и ужасным почерком писала по-английски, не знала никаких других языков и, уж конечно, с ее-то руками, не могла играть ни на одном музыкальном инструменте.

В отличие от нее Фелиция Вторая бегло говорила по-итальянски и довольно сносно по-немецки. Она прекрасно писала по-французски, разбиралась в политике и искусстве и страстно любила играть на пианино.

Фелиция Третья во многом была похожа на Фелицию Вторую. Это была умная и довольно хорошо образованная девушка, но что касается ее моральных качеств, то она была полной противоположностью Фелиции Второй. Это было в высшей степени развязное создание, усвоившее низкие нравы, но, что удивительно, не деревенской глубинки, а столичного полусвета. Эта до невозможности «расслабленная» девица говорила на таком отборном арго, что у исследовавших ее медиков уши сворачивались трубочкой. Она с ненавистью и презрением костерила религию и так называемых добропорядочных людей, называя представителей их мужской половины «скотами из скотов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.